

Семантика слуха в поэтическом идиолекте Цветаевой

Дуринова Галина Вячеславовна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

В поэтических идиолектах задействованы различные когнитивные способности человека, однако неоднородной оказывается их «концентрация». Так, наиболее важной когнитивной способностью для Цветаевой является слух: сам процесс написания стихотворения – это следование некоему «заданному слуховому уроку» [Цветаева: 121]. Интерес к *специфике* цветаевского слуха наметил круг основных вопросов: представленные формы глаголов слухового восприятия, их актантная структура, поэтическая семантика (что воспринимается и как характеризуется), пространство распространения слуха, адресат ситуации слухового восприятия, соотношение слуха и зрения. Рассматриваются ситуации, организованные следующими глаголами слухового восприятия: *слушать*, *слышать*, *услышать*, которые оказываются доминантными в поэтическом идиолекте Цветаевой.

Актуализованными являются ситуации, при которых агенсом слухового восприятия выступает «я» – субъект, а само восприятие представлено в наст. вр., благодаря чему происходит имитация канонической коммуникативной ситуации, в которой говорящий и адресат синхронны друг другу [Падучева: 208]. Кроме того любопытно, что нагруженными оказываются формы императива, которые кристаллизуют 2 наиболее важные черты поэтической семантики этих глаголов: ориентация на установление (духовного) контакта (*Слышь – и встань*) и их экзистенциальный характер (*Не видь, и не слышь, и не будь!*). Однако, наиболее показательным в отношении собственно-поэтической семантики является *ненормативное* заполнение актантной структуры глагола: «Друг равнодушный! Так страшно слушать / Черную полночь в пустом доме!». Кроме того что данное высказывание построено на пресуппозиции «в полночь все спит, стоит тишина», оно основано на явлении синестезии – когда воспринимаемое посредством зрения («черная») становится предметом слухового восприятия. Слово «полночь» не имеет семантической валентности на слух, однако наделяется ею. Из воспринимаемого посредством зрения Цветаева «вытаскивает» такой значимый для нее смысл, нести который «достойн» только глагол слуха: зрительное ощущение «эволюционирует» до глубочайшего экзистенциального смысла: «слушать полночь» – значит ощущать отсутствие в мире чего-то принципиально значимого для «я»-субъекта. Характерно, что зрение включается в один смысловой ряд со слухом, но всегда предстает как восприятие «ступенькой ниже»: во фразе «не видь, и не слышь, и не будь» с каждым последующим императивом происходит гипотетическое «отключение» адресата от жизни: сначала «отключается» зрение, но остается еще слух, после «отключения» слуха остается только «не быть». Иначе говоря, *audio ergo sum*.

В случае незаполненной актантной структуры, когда не назван ни предмет слухового восприятия, ни источник звука, естественным образом встает вопрос о пространстве, в котором распространяется слух. Однако обнаруживается, что пространство это почти никогда не обозначено, его попросту нет. Вероятно, разрешение этого парадокса следует искать в установке Цветаевой быть услышанной потенциально любым и везде, в установке, по выражению Мандельштама, на адресата провиденциального (отсюда формулы типа: «Тебе – через сто лет»). Иными словами, цветаевский слух распространяется как бы по библейской формуле: «Имеющий уши да слышит».

Так же в связи с типологией ситуации слуха (как и о чем) важно рассмотреть соотношение *Источник: звук: смысл*.

«Слышишь? Это последний срыв / Глотки сорванной: про-о-стите!» Что, собственно, здесь предлагается услышать адресату? Форма 2 л. имеет

контактоустанавливающую функцию: ты (меня) слышишь? Однако, далее становится ясно, что адресат должен слышать именно звук, характер которого конкретизируется: «звук глотки сорванной». Здесь из «стереотипного фонда» знаний читателя должен извлечься смысл идиомы «сорвать голос», и уже на фоне этого знания понимается характер звука (надорванный, бессильный). Но Цветаева идет дальше – называет *слово*, которое должен услышать адресат. Однако и здесь не обходится без «непосредственно звуковой составляющей»: написание «про-о-стите» граничит с транскрипцией звучания этого слова – и это большой вопрос: что все-таки оказывается более важным: само слово (смысл его) или характер звука.

Кроме того, «глотка» присутствует в тексте не только как часть «спрятанной» идиомы, но и самостоятельно, обозначая источник звука. Далее происходит «переосмысление» физического органа речи как не просто источника звуков (слова), но как непосредственного источника смысла – надрыва, бессилия и отчаяния. И вторая часть «спрятанной» идиомы – *сорванной* – получает новый смысл: разорванная словоформа «про-о-стите» как бы переключается с «сорванной глоткой», которая несет уже смысл *разрыва*, одиночества и безысходности. *Сорванная глотка* потому и становится «источником» такого смысла, что покуда она «сорванная», она уже не может быть источником звука, а значит, невозможным становится слуховой канал связи, который, как мы могли убедиться, для Цветаевой является решающим, как мостик между «да» и «нет», между «быть» и «не быть».

Литература

Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Цветаева М.И. Световой ливень. Публицистика. М., 2001.